

Пара слов о Гаральде

Я познакомился с Гаральдом весной 1946 года, когда после удачного выступления на городской олимпиаде В.А. Залгаллер пригласил меня, в числе других 8-классников, в математический кружок, который он вел во Дворце Пионеров для учеников 9-го класса. Там я и встретил Гаральда, а также Ю. Решетняка (уже тогда выделявшегося своим уровнем и серьезностью) и Г. Софронову. Остальных помню плохо, да их и было не так уж много.

С Гаральдом мы сразу сошлись, и после годичного перерыва (когда я еще был школьник, а он уже студент 1-го курса) встретились как старые друзья. Я от него многое почерпнул в понимании “математического мира”, в котором он рос, а я от него был в то время далеко.

Вот несколько мелких эпизодов, которые вспомнились.

Примерно на 3-м курсе я начал посещать семинар по анализу. Помню заседание (годом позже), на котором Гаральд и Галя Софронова докладывали свои дипломные работы. В конструктивной теории функций часто приходится работать с комбинаторными тождествами, и Гаральд стал доказывать одно из них, а именно что

$$\binom{n}{k} + \binom{n}{k-1} = \binom{n+1}{k}.$$

Я неприлично возмутился, заявив, что это проходят в 9-м классе. Исидор Павлович тут же повернулся и произнес:

– Но мы-то уже давно не 9-тиклассники!

Я не учел, что несомненно доклад репетировался дома и Гаральд получил от И.П. совет воспроизвести доказательство!

А теперь о более позднем времени, когда Гаральд заканчивал аспирантуру (в ЛГПИ им. Герцена, теперь это – Педагогический Университет). Как часто бывает, он защитил чуть позже срока, что дало повод его брату Ольгерду произнести такую эпиграмму у Гаральда на дне рождения:

Служил Гаврила аспирантом,
Гаврила булки не испек,
Хотя и числился талантом...
Тебе понятен мой намек?

На самом деле, булка уже стояла в печке. Защита состоялась в Совете Института Герцена, оппоненты были С.М. Лозинский и М.К. Гавурин. На защите я сидел рядом с В. Файншмидтом, одним из ближайших друзей Гаральда. Мы с ужасом слушали выступление С.М., объяснявшего, что результаты диссертации не обоснованы. Речь шла о нулях собственных функций задачи Штурма – Лиувилля. Оказалось, что в одной из классических работ, на которую ссылался диссертант, было доказано, что некоторое решение имеет в точности n корней, а то, что это решение есть как раз n -ная собственная функция, было установлено в другой работе. Конечно, по этому поводу можно было сослаться на любой учебник, но Гаральд предпочел указать оригинальную статью. За что и поплатился. Наш ужас подогревался еще и тем, что за пару лет до этого, выступая на кандидатской защите Ю. Решетняка, тот же С.М. Лозинский,

придравшись к каким-то мелким недочетам блестящей работы, настаивал на отрицательном решении Совета.

Но в данном случае С.М. оказался добрее. Закончив свои инвективы, он произнес: “Я считаю, что этот недостаток следует отнести на счет литературной неопытности автора”.

Выступление Марка Константиновича Гавурина было менее драматичным. В своем отзыве он предпочитал называть автора не “диссертантом”, а по имени-отчеству: “Далее Гаральд Исидорович доказывает...”. В какой-то момент у него упал со стола один из листов отзыва. Гаральд поднял его, и далее последовало:

– Спасибо, Гарик. В следующей теореме Гаральд Исидорович получает...

Заодно – эпизод из защиты В. Файншмидта, состоявшейся позднее в том же Совете. Мы с Гаральдом сидели рядом и обратили внимание, что в какой-то момент своего выступления диссертант вдруг замедлил темп и явно стал тянуть время.

После голосования мы спросили у него, в чем дело.

– Я абсолютно не волновался, но вдруг посмотрел на свои ручные часы и увидел, что я уже почти все рассказал, а прошло всего 2 минуты, поэтому пришлось замедлить темп. И только сев на место, я понял, что спутал часовую стрелку с минутной!

После защиты кандидатской диссертации Гаральд еще несколько лет работал в ЛГПИ. Там он был, в частности, Секретарем Ученого Совета. Обязанности свои он выполнял охотно. Он имел вкус к административной работе и, по-моему, был бы хорошим зав. кафедрой.

Вот еще один эпизод, относящийся ко времени его работы в ЛГПИ. Гаральд редактировал один из выпусков Ученых Записок Института и воспрепятствовал опубликованию статьи под названием

МЕРЫ И ПОЛУМЕРЫ

Он снял свои возражения лишь после того, как по его предложению автор согласился заменить название на “Меры и полумеры в σ -кольцах”.

Ну, а в 1965 г. Гаральд перешел на работу в ЛГУ, и его деятельность с тех пор была у всех на виду. Поэтому здесь я кончаю.

М. Соломяк